

Юрий Панов

Брод через Великую
реку

Книга 1.



18+

Юрий Глебович Панов

Брод через Великую реку. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43634376
SelfPub; 2019*

Аннотация

В результате путешествия по реке Мана встречаются люди, которые либо нужны друг другу, либо являются врагами друг для друга. Особенно трудно остаться человеком, когда в такие взаимоотношения вклинивается драгоценность, которая влияет на человека. Глеб Дубовцев не верил в возможность существования в наши дни чего-то необычного, иррационального. Ему и в голову не могло прийти, что судьба уже уготовила встречу с этим иррациональным. Как ситуация «слуга – богомол – хозяин» представлена в данном романе и какой вывод необходимо извлечь каждому, можно сделать, прочитав две книги этого романа.

Содержание

Глава 1. Дежурство и путевка на турбазу	7
Глава 2. Дневники	16
Глава 3. Знакомство с туристами группы 88/8	21
Глава 4. Странная девушка	29
Глава 5. Начало маршрута	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

Каждый человек проходит Утро, которое ассоциируется с молодостью, День – со зрелостью, Вечер и Ночь – со старостью и смертью. Однако бывают случаи, когда значительные ошибки совершают деды и бабушки (Утро), рассчитываются за их ошибки дети (День), а закрывают последствия таких ошибок внуки и внучки (Вечер и Ночь). Жизнь сложна как река и может быть разной как по скорости течения, так и по длине (длительности таких ошибок). И туман (ошибки молодости) могут иметь разные последствия. Такие смены утра на день, дня – на вечер, а он на ночь могут происходить не только с людьми, но и с их родами, общностями и даже государствами.

Вопрос, который в романе решает его герой, «Для чего я родился на этот свет и какое моё предназначение?» интересовал не только героя, но и меня, наверное, с раннего детства. В романе этому способствовали некоторые странности в роду Дубовцевых: никто и никогда не говорил о прабабушке и бабушке, прадедушке и дедушке, и совсем мало об отце. Почему-то, когда Глеб Дубовец, будучи совсем маленьким, задавал этот вопрос матери, то неизменно получал ответ: «Подрастёшь – узнаешь!». Это не только подстёгивало его любопытство, но и послужило мотивом для того, чтобы он невольно начал собирать информацию об этом. Однако, один очень важный, на мой взгляд, факт никак не мог найти объяснения, даже когда он уже вырос: все мужчины в ро-

ду Дубовцевых появились на свет в одном месяце, причём в один и тот же день – двадцать восьмое марта.

Как оказалось, род Дубовцевых в первом свободном поколении из-за возникновения рыночных отношений раскололся на две части: одна из них стала по отношению к мистическому существу Богомолу Слугой (те, кому понравилась рыночная жизнь, деньги, обман), другая – Хозяином (те, которые остались на многовековых традициях русского народа). Несколько поколений Дубовцевых проходили Утро, День, Вечер и Ночь, прежде чем нашли правильное решение, чтобы уменьшить влияние рыночных отношений и стать самими собой.

Воспитанный на материалистическом понимании мира сначала в школе, а потом в высшем военном училище, наш герой романа никогда не верил в возможность существования в наши дни чего-то необычного, иррационального. Ему и в голову не могло прийти, что судьба уже уготовила встречу с этим иррациональным. Встречу, которая коренным образом изменит его мировоззрение и даст ответы на неразрешимые с детства вопросы.

Между тем ситуацию «Слуга – Богомол – Хозяин» можно рассматривать и иначе. В нашей жизни мы всегда имеем кого-то, кто жаждет крови и всего мира себе, имея большие финансовые, материальные или какие-то другие возможности. Это могут быть отдельные люди, партии или целые страны. Назовём их «Богомол».

Но, как это ни жаль, имеется кто-то, кто очень хочет заиметь много денег или власть, повысить свой статус и тому подобное, любыми средствами, находясь в зависимости от Богомоллов. Как правило, это люди или партии. Назовём их «Слуги».

К счастью, в реальной жизни имеется кто-то, кто может протянуть руку в самых трудных случаях. Им нужны мир, семья, любовь, дети, кто независим от денег и не хочет иметь весь мир. Это могут быть отдельные люди или их коллективы. Назовём из «Хозяева».

Как ситуация «Слуга – Богомол – Хозяин» представлена в данном романе, и какой вывод необходимо извлечь каждому, можно сделать, прочитав этот роман.

От автора

Книга 1. Когда утренний туман опускается на реку

Глава 1. Дежурство и путевка на турбазу

Из светлого утреннего тумана выплывает милое и родное лицо мамы, она, улыбаясь, гладит меня за плечо и ласково говорит. – Глебушка, вставай, милый.

От настойчивого дерганья за плечо неожиданно лицо её расплывается, а вместо него появляется усатое и надоевшее за неделю боевого дежурства, лицо помдежа. – Товарищ капитан. Ну, товарищ капитан. Пора, ваша смена! Надо встать!

– Да пропади оно всё пропадом! – ворчу спросонья, зевая. Так хочется сказать ему. – Ну, паразит, такой сон прервал!

Всё же придётся вставать. В голове шумело и звенело, как после очередной пьянки. Если к этому добавить раскалываемую кем-то непонятным голову, сходство будет полным.

И вдруг снова одна и та же мысль: опять приснился этот странный сон...

Бурлящая река стремительно несёт плот на самые пороги. Я, схватившись за рулевое весло, изо всех сил стараюсь отогнать плот от них. Но плот, как сумасшедший человек, совершенно неуправляем. Ещё мгновение и мы врежемся в один из этих валунов! Каждый из сидящих на плоту людей схватился, за что смог... Удар! И от удара одна девушка ле-

тит прямо в воду! Удивительно, но, кажется, никто, кроме меня этого не заметил! А стремительный поток подхватил её и кинул прямо на камни... Вот она всё глубже и глубже погружается в воду... Не понял, я что, уже под водой? От холодка замирает сердце... Где же эта чёртова бабенка? Ага, вот и она... Но что-то ей мешает... Она схватила какой-то ларец, а он зажат камнями... Что это, я выдираю этот ларец из камней, сую в карман и выхватываю её руку... Ну, наконец-то хлебнул воздуха! Скорей к плоту! Ну, и тяжёлая эта бабенка... Вот и плот... Толкаю её на плот... Фу, наконец-то и сам на плоту... Хоть отдышусь! Интересно, а что же там, в ларце? Открываю: внутри какая-то брошка из насекомого с рожками как антеннами... Но что это? Из его округлых глаз начали литься слёзы из крови! Кровь заливает мне руки... Какая-то девушка кричит мне: «Брось эту мерзость!»...

– Дурь какая-то. Бред собачий! Я, да плыву на плоту? Ага, держи карман шире! А кто дежурить-то будет? Нас-то, вон, и так не хватает... Да и что мне там делать? – ищу одежду, ворча про себя. Вот так всегда – сначала на сон, а потом и на всё, что попадалось под руку.

– Генка, морда бессовестная, вставай! Последняя смена... – толкаю в бок своего оператора, хотя и понимаю его, как никогда. Все мы к концу боевого дежурства порядком были измотаны и хронически не высыпались. Между тем Генка даже не отреагировал на мои слова.

– Ясно, применяю силу! – говорю сам с собой и рывком

сбрасываю Генку вместе с матрацем на пол.

Через четверть часа смена уже сидела в столовой и пила чай. А ещё через двадцать минут были на командном пункте, и грустно воспринимали радостные крики «Ура!» сменяющихся товарищей по несчастью. Не скрываю, в этот момент мне очень хотелось оказаться на их месте, но увы...

– Ты заметил, какая нынче на небе луна? – гляжу на лицо напарника и усмехаюсь. Оно лучше всяких слов говорит мне. – Луна... Какая к черту луна? Тут бы вздремнуть хоть часок...

Мой вежливый напарник отрицательно крутит головой в разные стороны. Но я не сдаюсь.

– Полная, как круглолицая красавица!

– Ага, так и запишем в журнал: «Двадцать девятое июня одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Командир говорит, что принимать не надо – луна полная, как круглолицая красавица». Так и запишу... – И оператор довольно хмыкнул, увидев мой кулак у своего носа.

Привычно оттараторив всё, что положено говорить и проверять при смене дежурства, доложили в вышестоящую инстанцию о заступлении на боевое дежурство. А через шесть часов уже мы дружным «Ура!» приветствовали новую дежурную смену. А ещё через полчаса весело шагали в сторону городка сдавать оружие.

Вы даже не представляете, какое блаженство испытывает вконец измотанный, усталый от душного помещения чело-

век, вышедший, наконец, на чистый воздух! Однако, надышавшись вдоволь, теперь уже другая сладкая мысль овладевает всем существом этого человека: Наконец-то свободен!

Так и шел я по плацу, вдыхая чистый сосновый воздух, предвкушая радость свободы, когда, высунувшись из окна второго этажа командирского здания, знакомый капитан с повязкой дежурного по полку выкрикнул. – Эй, Дубовцев, мать твою... Где болтаешься? Давай бегом, Батя вызывает!

– Так... Это не к добру... – по привычке ворчу сквозь зубы, сворачивая к ближайшей двери здания. – На кой чёрт я ему понадобился?

От приподнятого настроения остались рожки да ножки, а в голове, меж тем, одна за другой роились самые нехорошие версии моего вызова.

– Бойцы проштрафились?! И мне не доложили... – остановился на самой неприглядной из них: в этом случае без очередного выговора от Бати не уйти.

– Товарищ полковник, капитан Дубовцев по вашему приказанию прибыл! – докладываю, как обычно, это бывает: рот сам по себе, а я – сам по себе! Изучаю внимательно сначала глаза: Нет, ничего не видно! Плохо... Смотрю на его стол сверху: улик солдатских тоже нет! Хреново. Значит, мои дела ещё хуже, чем думал. Во влип! Итак, два выговора висят!

Дубовцев, ты у нас в этом году ещё в отпуске не был?

Смотрю на него и не понимаю: К чему он клонит? Хм, отпуск. Да кто же не хочет в отпуске побывать? Только ведь

некому дежурить... Нет... Отпуск – это не то... Что ещё задумал этот гусь лапчатый? Ох, не бывает дыма без огня! Готовься, дружок, к другой какой-нибудь гадости!

И по плану в июле?

Недоверчиво слушаю всё, что он произносит. Теперь уже совсем уверен: Похоже, не видать мне отпуска в июле! Эх, а ещё хотел к отцу с матерью съездить...

– Тут у нас появилась горящая путевка...

Слушаю и не верю своим ушам: Так значит не солдаты?! Может, пронесёт?!

– Не поедешь?

– Но, товарищ полковник... – чувствую, что надо что-то сказать, но не знаю что: похоже, мои-то солдатики совсем ни при чём! Чувствую, как блаженство опять начинает разливаться по всему телу.

– Ты вот что, Дубовцев, лучше меня не зли! Я, значит, беспокоюсь о его здоровье, а он ещё и ерепенится! Без году неделя, а туда же...

Глаза его начинают наливаться кровью: верный признак, что гроза вот-вот начнётся. А уж поза его и вовсе мне ничего хорошего не сулила.

– Я сказал, пойдешь в отпуск с пятнадцатого июля и точка! Понял?

– Так точно, понял! – и хмыкнул: интересно, кто бы на моём месте спорил: Отпуск ведь! Хотя и не по своему желанию...

В спину мне уже летели слова – кирпичи комполка. – И чтоб духу твоего здесь не было! А двадцатого должен быть на турбазе, понял?

Честно говоря, я уже и сам не понимал, хорошо это или нет? С одной стороны, вроде бы хорошо – всё-таки отпуск, а с другой – не очень: кто-то за меня решает, где и как мне отдыхать.

Но тут, как на грех, прямо передо мной возникла громадная фигура моего командира группы майора Ясенева. Не успел и рот раскрыть, как он, указывая пальцем на мою грудь, прохрипел от быстрого бега. – Темиргазин заболел! В смену некого ставить. Пойдешь?

Только сейчас неожиданно понимаю: Да я же самый счастливый человек на свете! А они? Пускай сами... тут теперь всё решают. И, улыбаясь, вдохновенно произношу. – Я уже в отпуске! Батя отправил...

Яснев посмотрел на меня как на ненормального. Думаю, оно так и было, если смотреть только на мою предовольную физиономию. Но даже жест Ясенева, которым он покрутил возле виска своего, уже ничего не менял...

Я ехал на автобусе домой и смотрел на ели, пронесившиеся мимо, и не мог поверить в разом свалившееся счастье. При этом одна мысль ложкой дёгтя в бочке мёда сверлила мою ненормальную голову: кто же это так постарался меня осчастливить? Откуда же мне было знать, что это дочь Бати, сама того не зная, вот так меня осчастливила. Это потом, уже

после отпуска мне Ясенев сам, когда рассказывал про свой выговор из-за меня, узнал, что она в тот день утром позвонила ему и попросила реализовать её путевку. Она из личных соображений решила не ехать на турбазу. Батя, естественно, отказать любимой дочурке не смог и всё утро не знал, кому бы спихнуть путевку на турбазу. А тут я, как на грех, попался ему на глаза, когда вёл свою команду. Вот всё и решилось в одну минуту...

Вечером решил напиться: душа горела и требовала выхода. Здесь была какая-то смесь: это, может, обида на службу, которая была ничуть не хуже тюрьмы из-за своей несвободы, то ли это страх перед неизвестностью. А, возможно, и ещё что-то. Но никого видеть не хотелось. Достал фляжку спирта, воды. Вот только закуски никакой, кроме кислой капусты из банки.

– Фу, какая гадость! – это я не про спирт, а про капусту: она стоит на подоконнике уже третий месяц и никак не может съестся. – Ну, не люблю я капусту! А деньги на отпуск дадут только завтра. Может быть...

Даже на осторожный стук в дверь мне сейчас не хотелось отвлекаться. Второй заход вроде как начал поправлять настроение.

Чьи-то нежные руки сзади закрыли мои глаза.

– Кто ещё? – на душе было уже не пусто, но всё ещё мерзко. Желание видеть кого-либо по-прежнему не появилось.

– Угадай... – нежно пропел женский голос.

– Вот ещё. Гадать буду! – кто-то очень вредный уже поселился в моей душе. С силой разжав обе женские руки, повернул голову и увидел Лариску, жену полкового офицера из соседнего дома. Как-то по пьянке в одной из компаний мы с ней встретились случайно, переспали и теперь она периодически скрашивала моё одиночество. – Ну, не люблю я её, кошку драную!

– Твой опять на дежурстве? – вслух промышал мой вредный внутренний голос, не ожидая в ответ ничего хорошего.

Однако моя ехидная интонация её ничуть не обидела. Даже ни один мускул на холеном лице не дрогнул. Она снова протянула руки к моему лицу.

– Я сказал, отвали! Ты мне надоела. Уходи! – монстр внутри проснулся, раздулся. Откуда-то взялось раздражение и желание оскорбить. Поддаваясь ему, кричу. – Стерва навозная, шлюха!

Видно, оскорбление до неё дошло: руки сжались в кулаки, глаза прищурились, рот исказился в хищном оскале. Она попыталась, а потом кинулась ко мне, пытаясь схватить своими руками меня за что-нибудь и извергая из себя нечистоты. – Да ты, козел, и мизинца моего не стоишь! Гад! Паразит...

Последние слова она договорила уже за дверью, куда её и направил мой внутренний монстр, развернув и выгнав из своей жизни. Насовсем... Просто потому, что было противно во рту. Противно было и на душе. Правда, это я понял потом, на следующее утро. А сейчас, налил спирту и выпил,

отгородившись от всего мира. И от таких, как она.

Уже в кровати, перед тем как крепко заснуть, вспомнилась Вероника – моя первая жена. Бывшая жена. Моя заноза в сердце. Но тут все закружилось в вихре и глаза сомкнулись сами собой...

– Всё. Пора завязывать с пьянкой! А то уже чёрт-те чё стало сниться. – бормочу, открывая глаза. В голове занозой сидит мысль. И сверлит. Где же я это уже видел?

Пью холодную воду и чувствую, как жизнь понемногу возвращается ко мне.

– Вспомнил: вчера на дежурстве. И тот же сон! – даже как-то не по себе стало. Хорошо хоть отпуск дали!

И начал приводить себя в порядок. Поеду домой... Мама, сестра, дядя Коля... Я так давно у них не был! А на турбазу успею.

Глава 2. Дневники

В городе Новосибирске, не доезжая до автовокзала, сошёл с Икаруса. И пешком к дому!

– Ну, что, старикан, ты ещё жив? – обращаюсь к дому своего детства. Храбрюсь, а у самого слезинка бежит по щеке. – Думаешь, не рад? Ещё как рад! Так бы и не уезжал никуда!

Повернуть вертушку палисадника было делом одной секунды. Делаю это как обычно: пальцем в стекло, тихо-тихо! Тук-тук, секунда и в окне знакомое и такое родное лицо матери появляется и исчезает!

А на сердце невольно заиграла скрипка. – Надо же, как будто ждали!

Улыбаясь, иду к воротам дома. Хорошо и спокойно, как в детстве. И понять это сможет лишь тот, кто долго не был в родном доме.

Эти родные глаза, руки, губы! Всё, как в детстве. Только я уже сам взрослый. К сожалению! И даже немного стыдно, что меня так, как маленького!

– Мам, а я в отпуске. – смотрю в мокрые от слёз глаза и не знаю, как сказать. – Меня на турбазу отправляют. Горящая путёвка у комполка.

Мать понимающе усмехнулась и улыбнулась. – Хоть на секундочку приехал и то хорошо! Пошли в дом!

Родные запахи ударили в голову, будя воспоминания дет-

ства.

– А где дядя Коля? – тихо спрашиваю маму.

– На работе. Скоро придёт. Ты проходи! Давай, покормлю?

– Мам, да ты не беспокойся, пару деньков у меня ещё есть! – говорю и сам верю в то, что говорю. – А чё? Как-нибудь выкручусь, подумаешь, опоздаю. Чуток!

Она, поцеловав меня в щёку, исчезла на кухне, а я вышел в огород, сел на заваленку и закурил. Стопка новеньких кирпичей сразу же привлекла моё внимание. Но ненадолго – нахлынувшие воспоминания быстро прервал голос матери, а потом и она сама появилась в дверях.

– Пошли, Глебушка... Остынет ведь...

Всё было вкусно и, как всегда, объелся.

Когда пришла Вера (моя младшая сестра по матери) с работы, я мирно спал на диване, похрапывая от удовольствия. – Давай, вставай! Надо за приезд твой отметить!

Дядя Коля не стал дожидаться моего пробуждения, как Вера, а мирно ткнул рукой в плечо. За столом после трех рюмок водки, мы с отчимом разговорились. Неожиданно вспомнились кирпичи в огороде.

– Вы что собрались с кирпичами-то делать? – вырвалось у меня.

– Да вот... – усмехнулся отчим. – Решили перейти на газовое отопление. Придётся печь переделывать!

– Ну, так я помогу! Но предупреждаю сразу – печник из

меня хреновый! – усмехнувшись, улыбаюсь. И тут почувствовал, будто кто-то за язык потянул. – У меня же два дня есть в резерве!

– Ну, вот и лады! – обрадовался он и налил мне ещё рюмочку. – Давай-ка за то, чтобы всё было хорошо! Завтра и начнем разбирать, чего тянуть?

Мы, конечно, выпили. Но, думаю, каждый из нас при этом думал о своём «хорошо».

Утром кирпичи легко снимались с глиняного основания, и разборка трубы шла быстро. Однако, уже под самой крышей у утолщения рядом с трубой появилось нечто, напоминавшее тайник. Почему-то сердце бешено забилося только от одной этой мысли. Даже лицо моё покраснело. Но почему-то дядя Коля даже это не заметил. А меня будто кто-то толкнул – рука сама полезла в это углубление. И в ту же секунду пальцы мои почувствовали что-то гладкое и нетвердое. Зацепив кое-как пальцами, я потащил на себя это что-то. Только сердце, бухая в голове, словно молотом, будто говорило: – Ой, это неспроста!

И на поверхности из прямоугольной дыры вслед за пальцами появилось что-то, завёрнутое в какую-то тряпку.

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня только от одного вида находки.

Подхватив её другой рукой для надёжности, вытащил свёрток наружу. Дядя Коля даже удивился, видя такую странную конструкцию рядом с трубой, и находку. Я же ни-

сколько не сомневался в том, что находка представляет какую-то ценность.

Осторожно развернув, увидел стопку из трёх старых тетрадей. Моё сердце снова учащённо забилося, а дядя Коля огорчённо махнул рукой и продолжил разборку трубы. Сунув тетради в боковой карман, я тоже продолжил разборку, однако, все мои помыслы остались там, где теперь лежала стопка пожелтевших тетрадей.

Как это ни странно, но времени у меня для удовлетворения своего любопытства не оказалось: мы работали, ни на минуту не останавливаясь до самого обеда, пока мама нас не позвала к обеду. Впервые теперь я смог взглянуть на находку и показать её матери. Однако, никому из близких моих эта находка не пришлась по сердцу. Я и сам уже сомневался в своих чувствах.

К концу дня всю запланированную работу мы сделали, и у меня появилась впервые взглянуть на содержимое тетрадей, в которых неровным мелким почерком кто-то аккуратно делал записи. Строчки шли не только по линейкам, но и между ними.

Вечером мы с отчимом опять немного выпили, а утром начали кладку. К вечеру новая печь была опробована – всё получилось хорошо. Обмыв по обычаю хорошо выполненную работу и печь, уснул с чувством выполненного долга, сунув в рюкзак стопку тетрадей, которые решил на досуге в турбазе прочесть, если удастся.

Утром, попрощавшись с родными, покинул гостеприимный и такой родной дом.

Глава 3. Знакомство с туристами группы 88/8

Как и положено человеку военному, двадцатого июля уже открывал стеклянную дверь вестибюля Красноярской гостиницы «Турист», где и располагался офис турбазы, в которую меня спровадил Батя.

Приветливая светловолосая женщина, сидевшая за вывеской «Администратор», только взглянув на меня, без слов выдала две бумажки, и уткнулась в книгу, половину которой она уже прочитала.

– Любовный роман? – пытаюсь наладить контакт. Но она даже головы не поднимает. Верчу бумажки и понимаю, что без посторонней помощи мне не обойтись. Жаль, не хотелось бы ещё здесь запятнать и без того небезупречную свою репутацию. – Что мне с ними делать?

– Да хоть в туалет идите! Только без оформления бумаг в гостиницу не принимаем... – вежливо ответила администраторша, не поднимая головы от книги.

Наконец, что-то щелкнуло в моей голове: да ведь я же должен их просто заполнить! Через некоторое время, довольный тем, что оказался таким догадливым, подаю ей заполненные бумажки. И как можно независимее спрашиваю. – Когда пойдём в горы?

И вот тут свершилось чудо: она подняла голову и удивленно посмотрела на меня. Мне даже показалось, что только пальца у её виска не хватило. – Какие горы? Вы, что спятели? Или с луны свалились? У вас, гражданин, путевка по реке Мана на плоту!

– Ну, по Мане или Иртышу я ходить привычный... – ещё пытаюсь отшутиться, но, признаюсь, это удар под дых. – Спокойно, крокодил! Было и похуже. Собственно, что я теряю? В гору ведь надо сначала забраться, а потом – спускаться. А тут? Только спускаться. И не ногами, а на плоту! Вполовину меньше. Поскольку иду по принуждению, значит, меня это вполне устраивает!

А потому твёрдо заявляю. – Идёт, так и быть, поплыву на плоту!

Если бы я оглянулся, когда шёл к столику, где стояли мои вещи, то увидел, как администраторша пальцем крутит у своего виска, смотря на меня. Выход во двор я нашел практически сразу.

Там, во дворе несколько молодых парней и девушек под руководством седого толстяка пытались связать плот. Умавшись от непривычной работы, они сели прямо на недостроенное произведение.

– Ха, дак, к нам, кажись, пополнение бредёт! – произнёс толстяк, показывая на меня пальцем.

– А я не к вам. Я группу 88/8 ищу! – нахально отвечаю. – Вот ещё. И не собираюсь смущаться!

– Ну, дак, ты её уже нашёл! – тем же тоном продолжает толстяк под смех молодежи. И сгибающимся пальцем меня манит к себе, приветливо улыбаясь. – Ну, дак давай, присоединяйся. Нам совсем малость осталась... Капитана выбрать. Ты кто?

– Ну, дак, кажись, человек буду... – улыбаюсь. Мне толстяк начинает нравиться, хоть и передразниваю его.

– Ну, дак, кажись, ты, человек, по профессии-то кто бушь? – толстяк никак не унимался. – Вот я лоцманом вашей группы буду. А ты кто?

– Военнослужащий... – тихо и неохотно отвечаю, а сам думаю. – Ну что привязался? Кто да кто. Никто! Начнутся вопросы...

– Есть предложение избрать человека военного капитаном группы 88/8! – улыбаясь во весь рот, произнёс толстяк.

Все закивали головой, а кто-то даже поднял руку.

– За что наказываете, господа хорошие? – открыто и недовольно спрашиваю, хотя знаю: ответа, может, и не быть. – Кому сегодня хочется быть на хлопотном месте? Все прибыли отдыхать...

– Ну, дак, кажись, ить ты опоздал жа. – ответил, улыбаясь, лоцман. – Ну, ты, брат, не журишь. Мы тебе толковова завхоза щаз определим!

Он так и сказал, сместив ударение в слове, «определим» на третий слог и мягко растянув его. После этого оглядел девчат и тукнул пальцем в одну. – Вот ты и бушь завхозом!

Как звать?

– Жёлудева Аня. – тихо ответила невысокая стройная девушка.

– А тебя, человек военный?

– Дубовцев Глеб. – неохотно выдавливаю из себя.

– Ну, дак, кажись, у мене неплохо получатси: капитан – дуб. Крепкий, значить. Завхоз – желудь. Одна хрень, с голоду не пропадём! – произнёс он, думая вслух и улыбаясь. – Ну, дак, кажись, мене пора сдавать тебе смену. Давай, командуй! Надоть заканчивать. Скоро машины подойдут. Грузить плоты бум!

Все засмеялись. Лишь девушка покраснела и смутилась. И как-то с интересом посмотрела на меня. Не скрою, мне это было приятно.

Я смотрю на неё, и, почему-то невольно начинаю оценивать. – Так-так, значит, Аня. Маленькая, но стройная. пига-лица, лет двадцати пяти... Небось, приехала себе хахалю искать... Что же в тебе такого, из-за чего лоцман выбрал именно тебя мне в помощницы? «Ни кожи, ни рожи», как сказал бы наш Темиргазин. Глаза! Голубые, как небо. Наверное, такая же холодная, как и все женщины... Буду звать её «Анька»...

Справа от неё стоит невысокий парень. Подхожу, протягиваю ему руку и жму, называя себя: «Глеб». – Молодец, рожу не отворачивает, смотрит прямо в глаза. И имя у него хорошее: «Володя». Лицо не бабское. И то хорошо. Надо при-

смотреться к нему. А чего это он такой сутуловатый? Стесняется?

Вот сидит девушка. Представляюсь. Называет себя Надей. – Сколько ей? Лет двадцать пять – тридцать. Фигурка вроде ничего. Глазки болотного цвета, ручки длинные, тонкие, музыкальные. А глаза печальные. Интересно, на чем же ты играешь? На мужиковских чувствах? Как же ты здесь приживешься, голубушка? Назову её «Царевной Несмеяной», а там посмотрим.

– О, вот это экземпляр! Коротышка – метр пятьдесят с хвостиком, волосы чёрные, глазищи такие же, ножки коротковатые... Пышка, губки бантиком. – Представляюсь. – Барышне лет двадцать пять. Звать Тамарой. Но что-то в ней мне не нравится... И чего, тебя, сладенькая, сюда занесло? А, смотришь на соседа слева? Муж? Сомневаюсь... Поехала с мужем на турбазу? Такая, и с мужем? Едва ли. Скорее – с любовником. Тогда почему сюда? Ведь было бы проще остаться в городе на весь отпуск. И никаких хлопот. А здесь? Комары, змеи, холодная вода... Что-то тут не то. Странно всё это. А, может, я всё преувеличиваю? Назову-ка её пока «Тать» – воровка чужих мужей...

– Ну, вот и «Муж». «Женя». Крепкая рука, а вот в глаза не смотрит. Значит, все-таки любовник. Но пока ты у меня будешь зваться «Муж», а там посмотрим...

– Девушка. Звать «Наташа». Обыкновенная, все при ней. Лет ей девятнадцать – двадцать. Фигура спортивная. Насто-

ящая туристка. Смотрит прямо в глаза, не боится, не отворачивает их. А, может, спортсменка. Интересно, чем занималась? Понятно, приехала за романтикой. – иду дальше.

– Ещё один «Володя». Как же мне их различать? Ага, тот побольше – назову его «Володя 1», а этот поменьше. Назову «Володя 2», а там посмотрим. Улыбчивый. Смотрит прямо в глаза. Это хорошо. – делаю шаг в сторону.

– А, вот ещё одна барышня, ей лет двадцать пять. Ага, зовут Света. Фигура средняя, глаза открытые, внимательные. Улыбчивая. Эта приехала присмотреть мужа, не иначе... А, может быть, и правильно. Где ей в городе нормального мужика встретить? Того и гляди, каждый норовит на ком-нибудь прокатиться. А тут не покатаешься: каждый сам за себя и на виду! Поскольку у неё волосы светлые, то ей дам прозвище «Светильник»... – снова шагаю дальше.

– Вот это нормальная туристка: поджарая, уверенная, всё может делать сама. Звать Нина. И лет ей за тридцать. Понятно, потеряла веру в то, что найдёт мужика и теперь живёт себе в своё удовольствие. – усмехаюсь, про себя. – Не удивлюсь, если она по профессии конструктор или технолог. Вот кого нужно было бы завхозом ставить! Дам кличку «завхоз»...

Ну, вот и всё. Сажусь на свободный пустой ящик и становлюсь членом команды. Но сижу недолго. «Нудаккажись», как я его про себя назвал, тут же отдал команду. – Проверить баллоны, ремешки, посуду, палатки!

И показал пальцем, кто что делает. Работа снова закипела. «Нудаккажись» (Оказывается, так и другие стали неофициально между собой называть лоцмана) оказался прав: не успели мы закрепить последний ремешок, как приехали машины. Без всякого перерыва начали грузить в них резиновые баллоны, рамы, доски, камеры, тарелки, ложки, котлы продукты и всякую всячину. Однако лоцман про меня и Аньку не забыл: поручил мне погрузку, а ей – учёт. Вот так, в хлопотах, незаметно подкрался вечер.

По мере того как постепенно я перезнакомился со всеми парнями и девушками, некоторая сердитость на «Нудаккажись» быстро испарилась сама собой. Даже почувствовал некоторую легкость.

Мне показалось, что эти парни и девушки здесь не прячутся за какой-то маской, которую сами себе придумали. Может, и ошибаюсь. Появилось ниоткуда некоторое чувство, что они не гонятся за карьерой, не лезут по головам за новыми званиями и должностями, как мои сослуживцы. Но ощущение, которое начал испытывать оттого, что они сами пели песни и какие, было очень созвучно чувству внутри у меня и запрятанному за семью замками.

А ещё оказалось, что мне сейчас становится глубоко наплевать на всё, творящееся в моём родном подразделении. Это была тяжесть навалившегося отдыха. – А, может, это Природа? Лес, река...

– Идите на ужин! Я покараулю. – говорю ребятам, посмот-

рев на часы. Сажусь на ящик и сам себе не верю, слыша внутренний голос. — Ты, наверное, заболел? Разве можно было оставаться караулить, как простой солдат, если тебя выбрали капитаном?

А потом услышал собственный ответ. — Может, и заболел. Но это мне приятно. А ты лучше заткнись. Могу я, наконец, позволить себе то, что хочется?

А хотелось поесть чего-нибудь.

Глава 4. Странная девушка

Сам не знаю, откуда взялась эта странная девушка. Невысокая, толстая, очкастая и несуразная с грубым округлым лицом и в джинсах, сильно обтягивающих её полные ноги. Но она чем-то совершенно непонятным сразу же привлекла мой взгляд, когда стояла перед гостиницей у такси и обдумывала дальнейшие действия.

Таксист, привезший её сюда, безуспешно пытался хоть как-то вернуть её в реальность и получить свои деньги за проезд. Сделав вокруг неё пару кругов с криками: «Плати деньги!», он остановился и поводил перед её глазами рукой. Она совершенно не реагировала. Тогда он потряс девушку за плечи. Результат – тот же. Мне даже интересно стало: что же будет дальше?

Таксист заматерился, и девушка повернулась к нему. Возможно, мне показалось, но она, порывшись в сумочке, даже дала ему сколько-то денег, нечаянно коснувшись его руки.

– Нельзя вам сейчас ехать! – произнесла она своим тихим голосом.

– Это ты, что ли, зараза, запретишь мне? – таксист был явно недоволен и нервно поглядывал на часы. – А ну, пошла отсюда! Итак, с тобой вон сколько времени потерял!

– Ехать вам нельзя сейчас! – снова произнесла она с той же интонацией. – Разобьют машину! Подождите полчаса.

– Да пошла ты! Нашлась мне, Ванга! – плюнул он, прыгнул в машину и сорвался с места.

Не успел проехать и десяти метров, как в него на полном ходу врезалась такая же машина. Визг тормозов, свист милиции. И он, окровавленный, выбирается из разбитой машины. Они так и стояли, смотря друг на друга. Может, с минуту или больше. Они так ничего больше и не сказали.

Девушка повернулась и вошла в вестибюль. Теперь и мне было интересно, что произойдет дальше с ней. А потому, переместившись в вестибюль так, чтобы видны были машины, продолжил своё наблюдение.

Девушка подошла к администраторше и тихо произнесла. – Здравствуйте, я Павла Порошина. Не могу найти турбазу. Помогите, пожалуйста.

– Ты на турбазе. Заполняй! – как и со мной, администраторша была не очень любезна. Голова её по-прежнему уткнулась в женский роман, однако, рука очень точно нашла окошко. Перед девушкой замаячили две бумажки. Я с удовольствием хмыкнул, предвкушая те же проблемы.

Однако девушка даже и не торопилась их заполнять. Мне даже показалось, что Павла даже вздрогнула, когда рука администраторши случайно коснулась её руки.

– Позвоните домой. Срочно! – потребовала она.

Администраторша даже головы не подняла – просто подумала, что эти слова не к ней.

– Я вам говорю: позвоните домой. Срочно. Вашей матери

плохо!

— Да ты кто такая? А ну, пошла отсюда! Ещё тут командовать всякий будет! — рассердилась женщина и снова уткнулась в книжку. — Иди, пиши анкеты!

— Как хотите. Я вас предупредила. — спокойно произнесла девушка и отошла к столику, за которым я сам был недавно.

Однако, не успела она заполнить последнюю строчку, как зазвонил телефон. Кто-то администраторше сообщил, что полчаса назад её матери стало плохо, а рядом никого не оказалось, чтобы вызвать скорую. Когда скорая приехала, та была уже без сознания.

С ужасом администраторша взглянула на столик: там на неё смотрела эта очкастая деревенщина. Губы у неё затряслись, руки задрожали, а сама она начала то вскакивать, то снова садиться, не зная, что предпринять.

Когда Павла подошла к стойке, перед ней была уже совсем не та напыщенная и чванливая любительница женских романов, а обыкновенная несчастная женщина, по лицу которой текли слезы и у глаз была размазана тушь. Она уже умоляюще смотрела на странную посетительницу.

— Откуда? Откуда вы узнали... Про мать? — теперь, уже не сомневаясь, что видит необыкновенную девушку, спросила она.

— Так. По руке определила. — просто сказала Павла. — Случайно коснулась её. Я скорее почувствовала что-то неладное.

— Ой! Ну что же я тут сижу! — причитая, она быстро за-

писывала данные Павлы с анкеты. Но вдруг её лицо изменилось: в нём появилась надежда. – Девушка... А? Может... Ещё раз... За руку?!

Кажется, Павла поняла то, что же хочет от неё несчастная женщина. Она улыбнулась как то неуверенно.

– Да смогу ли? – начала оправдываться она. – Я и сама не знаю, как это получится...

Та замахала на неё рукой, чтобы прекратила эти разговоры, и протянула руку. Павла взяла и прислушалась к себе. Потом отпустила и спокойно сказала. – В больнице она. С ней всё в порядке.

– В какой больнице?! В какой больнице?! – взмолилась администраторша. И уже другим, привычным ей тоном, произнесла. – Девушка... Не морочьте мне голову! Нашлась тут...

И рукой властно махнула: мол, чего стоишь? Давай, отваливай! Но всё же решила удостовериться и позвонила в больницу.

Павла, обескураженная ответом, отошла и остановилась. И ей и мне было интересно, чем всё это закончится.

– Больница? К вам Фёдорова не поступала? Поступала?! Ага. А как ей сейчас? Всё в порядке?! Могу забрать? Ага. Ну ладно. Пусть пока там будет. Вечером заберу!

Тут она увидела Павлу и сердито замахала на неё рукой. – Ну, чё встала? Нехорошо, девушка. Видела, что отвезли, а корчит из себя... А ну пошла, пока...

Девушка не стала ждать, пока администраторша придума-

ет, что с ней сможет сделать, медленно повернулась и побрела в мою сторону, опустив глаза в пол. Она так и шла, пока не ударилась лбом в прозрачную дверь стеклянного турникета, выводящую на улицу.

– Курица слепая! – слышу слова администраторши, которая по-прежнему наблюдала за ней. – И откуда такие берутся?

Девушка вышла во двор, и вполне могла бы столкнуться со мной, но я вовремя уступил ей дорогу. Прошла несколько шагов и уселась на пустой ящик, обреченно опустив голову. Затем сняла очки, вытащила откуда-то платок и, подышав на них, стала протирать. Похоже, меня она так и не заметила.

– Ой, а к нам ещё одна! – это наша ватага возвратилась с приёма пищи. Они дружно обступили её, а она, вертя головой, пыталась разглядеть весёлые лица. По-моему, она даже повеселела.

– Ну, дак, кажись, её ж покормить надо! Давай, капитан, веди её. Вишь, стёкла-то у неё какие большие. Небось, подслеповата наша барышня... – произнес «Нудаккажись» и подтолкнул меня к ней.

– Не, я не поведу! Вон сколько «барышень» здесь! – решил передразнить лоцмана, обнаружив у него новое любимое словечко. Не скрою, мне оно тоже понравилось.

К моему удивлению, лишь одна Аня и протянула ей свою руку. Так, они и пошли в столовую. А я – за ними, внимательно наблюдая за этой парочкой.

Когда вернулись во двор, «Нудаккажись» уже ждал нас. А через несколько минут мы уже ехали в автобусе по ухабам лесной дороги. Грузовик с плотом двигался за нами. Кто-то из девчат затянул песню...

Скоро даже мне захотелось им подпевать. Даже странно, но мне эта ненормальность начинала нравиться.

Почему-то вспомнилась мама, которая, стуча по моему лбу, говорила: «Похоже, тебе, дураку, чем хуже, тем лучше!». Впервые это было сказано тогда, когда я им торжественно сообщил, что поступаю в военное училище. А отец грустно добавил: «Может, тебя, дурака, армия исправит!». Эх, отец, мама... Знали бы вы, где я сейчас?! И что я тут делаю?

Глава 5. Начало маршрута

Уже стемнело, когда мы добрались до деревни Красноселка на место старта по реке Мана. Это была большая поляна недалеко от реки. И это всё, что успел разглядеть.

Нужно было ставить палатки. А мне ещё досталась почетная обязанность отправиться за дровами, потому что никто не захотел этим заниматься. Правда, я с этим справился с большим удовольствием и скоро костёр запылал в полную силу. Все расселись у костра.

Люблю костер. С детства. И даже не знаю почему. Но всегда с удовольствием это делал, когда ходил на рыбалку с отцом. Иногда мне кажется, что сам по себе огонь имеет некоторую магическую силу...

Незаметно для себя стал изучать этих парней и девушек. Сам собой в голову пришёл вопрос. – Интересно, в каком порядке они расселись вокруг костра? Ведь их никто не рассаживал. Просто каждый пришёл и сел туда, куда захотел. А, может, из-за дыма? Ведь кто-то не любит, когда дым на него. А, может, и наоборот. Или, например, могли и по симпатии. Ведь не секрет: кругом тайга, звери. Женщина невольно тянется к мужчине. Да и во время работы с плотом девушки приглядывались к парням, и наоборот...

Пробежав глазами по всем туристам, отметил, что в свете костра, все стали какими-то другими. Но при этом заметил,

что и за мной наблюдают. Даже немного покорило. И исчез в тень. Но было уже поздно: Аня и Павла о чём-то тихо шептались, с улыбкой поглядывая на меня.

– Может, барышни вольного казака в первый раз увидели? – непонятно, сержусь я или рад, что и меня примечили.

– Ань, хошь расскажу тебе как на духу про нашего командира? – говорит Павла.

Я вижу смущение Ани, и мне становится интересно – Ну, давай, Павла, расскажи! Я ведь видел и слышал, как ты дурила голову администраторше. Ну-ну, посмотрим! Ведь и машину встречную ты могла видеть. И скорую помощь.

А вслух ехидно произношу. – Ну, давай, расскажи. Может, что-то новенькое о себе узнаю!

– Простота его, Аня, омманчива. Скрытен он больно. Неуживчив. Вишь, носяру каку отростил. Того и гляди психанёт. Не очень – то заглядывайси на ентова субчика! – произнесла Павла, поглядывая искоса на меня.

Смотрю на них и невольно начинаю возмущаться – Ты погляди-ка. Пашка! И это про меня? Скрытен – это правильно. А как же иначе? При моей-то службе. Неуживчив! Ну, это как поглядеть? Не один я виноват в разводе. Верка – больше! Ну, носяра... Это ладно!

– Глянь, какой пушок на его ушах! Говорят, такие мужики шибко страстные... – ехидно произносит Павла.

Невольно рука моя потянулась к ушам. – Вовсе нет там никакого пушка! Всё, зараза, придумала! А, может, есть? Ведь

Верка вроде не жаловалась. И Лариска – тоже...

– Паш, а тебе рыжие с залысинами нравятся? – Аня смотрит на Павлу и улыбается, видя, как та трясет головой. – Нет? А мне нравятся. Да и больно много у него морщин. Ты как думаешь, он холостой?

– И так понятно – холостой! Вишь, какой неухоженный: штормовка грязная, кеды – тоже, рюкзак военный... Бирюк бирюком! Говорю же – холостой! Да прошёл уже всё – огонь, воду и медные трубы...

Смотрю на них, а сердиться почему-то на их злые слова не хочется. – И не рыжий я. И залысин нет. Даже зауважал.

К тому же аромат цветущих трав ударил в мою головушку. – А вы чё хотели? Сирота я казанская. Жар чужими руками не загребая. Звезд с неба не хватаю...

Аня и Павла прыснули со смеху.

Всё бы ничего, только вдруг проснулся внутренний голос – Ну, что, брат, слабо? Скажешь, потерял нюх от ракетного топлива? Нет, брат, шалишь! Чаше надо бывать на природе. Когда ты в последний раз вот так бывал у костра? Ишь, сиротой казанской прикинулся. Да ты волк в овечьей шкуре!

Очень хотелось ему возразить, но почему-то ничего не придумывалось. Рылся, рылся в памяти и почему-то не вспомнил ничего. Не знаю, сколько бы времени ещё продолжалось это издевательство, но начался ужин из чая и булок.

Если честно сказать, то их всех по-хорошему и не запомнил. Так, начал выделять нескольких. Сначала по работе. А

вот теперь появилась возможность их отличать друг от друга по тому, кто с кем в палатке спать улегся.

– Так-так, Павла разместились с Аней. В этом я уже и не сомневался. Девушка, которую звать Наташа – с девушкой Надей. Есть два Володи. Они так и поселились. Есть обособленная парочка. Наверное – муж или с женой, а, может, любовники?. Они – тоже в одной палатке. Две хлопотуньи костровые попали в одну палатку. Нам же с лоцманом достались индивидуальные, но на двоих человек. А, может, с нами никто не захотел быть вместе? Об этом следует подумать...

Но думать об этом почему-то не хотелось.

Как-то незаметно все разошлись. – А дежурить – то кто будет? О чём они думают? Может, и мне забраться к себе в палатку, а там – будь что будет?

Почему-то вспомнилось, как страус прячет голову в землю. – Вот-вот. И здесь так же!

Усмехнувшись, остаюсь у костра: дежурить придется мне!

Сверчки запели свою незатейливую песню, но почему-то она мне нравилась: хотелось слушать её бесконечно. Незаметно к ним присоединились ещё какие-то ночные певцы. Огонь, потрескивая, вносил свой незабываемый колорит в эту дикую жизнь.

Лагерь спал. А, может, и не спал. Почему-то подумалось о тех, двоих. Интересно, они муж с женой или нет? Ухмыльнувшись, снова стал наблюдать за полётом искр костра. И почему-то вспомнилось прошлое...

– Вот так догорает моя любовь к Веронике... Только угольки от неё уже совсем не греют... – прозвучала в голове печальная мысль, унося меня в прошлое.

Помню ли я нашу первую встречу? Помню... А как её не помнить?

Летом 1983 года мой друг по училищу Витька пригласил к себе домой ненадолго погостить в каникулы. Других планов у меня не было, потому и согласился. Сдали мы экзамены, получили проездные и покатали к нему домой, на юг Свердловской области. Я знал, что родители Витьки ко мне всегда относились хорошо, был им не в тягость. Несколько дней мы с Витькой до одури мотались на рыбалку с ночевкой от одного озера к другому, пока всё это не надоело. Уже и письмо написал родителям, мол, ждите домой, а тут?

Она появилась на крыльце дома в тот же день, когда мы вернулись с рыбалки: молодая, симпатичная, с хорошей фигурой и большой грудью, выпиравшей из купальника.

– Верка, ты чего приехала? – недовольно спросил Витька. И волей-неволей вынужден был нас представить друг другу. – Глеб. А это моя двоюродная сестра – Верка.

– Вероника! – она подала мне свою нежную руку, до пяток прожигая меня страстным взглядом.

А Витька уже тащил меня в дом, подальше от сестрицы, недовольно ворча. – Слушай, Глеб, ты на неё не западай! Ну, не та она... Нам такие не нужны!

Да, не послушался я, дурак, тогда совета своего лучшего

друга... Лучше бы послушал...

Огонь в костре прямо разбушевался, угадывая моё состояние: сердце снова заклокотало, лицо покрылось нездоровым румянцем. Фигура Верки как живая возникла передо мной, возмущая всё мужское естество...

Я тогда держался долго. Но и Верка была не из тех, кто просто так сдаётся. Теперь-то прекрасно понимаю, почему, а тогда... И я медленно, как кролик, полз к своему удаву... Витька как мог, предупреждал меня, что она обязательно потащит к себе в постель, ибо очень хочет выйти за военного. Особенно если он дежурит подолгу. Я всё это понимал, но сделать уже ничего не мог – влюбился...

Вопреки словам Витьки, Верка не торопилась затаскивать в свою постель, но всячески, каждый раз, когда представлялась возможность, показывала то полуобнажённую грудь, бедра или то и другое вместе, приводя в неистовый трепет. Возможно, потому и уехал пораньше.

Дома у родителей как-то даже забыл о ней. Но она сама напомнила, прислав письмо, полное любви с фотографией, где она стоит во всей своей красе в купальнике. Чувства снова нахлынули, накрыв меня с головой. И тогда ответил ей. Начался наш бурный почтовый роман...

Удивлению моему не было предела, когда неожиданно на проходной училища увидел её. И радости! Оказалось, что она переехала, и теперь будет ждать меня здесь, как верная жена. Увольнения все проводил у неё, а на последнем курсе

поженились, хотя мои родители не хотели этого брака.

После окончания училища и отправились мы вместе к новому месту службы. Время шло, она поступила в институт на заочное отделение, а я пропадал неделями на службе. По поводу детей она однозначно заявила, что пока не окончит институт, их не станет рожать.

Всё бы ничего, но год назад она сначала не появилась дома на ночь, потом на сутки, затем и на неделю. Ревность меня душила – готов был даже убить её.

Но она, без всяких эмоций просто заявила. – Прощай! Я ухожу от тебя!

– Почему? – спрашиваю, ощущая внутри себя образовавшуюся пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.